

Мир Бродского: предварительные замечания

Если бы мы не знали его стихов, а только его высказывания о поэзии, у нас возникло бы абсолютно превратное представление о том, какие стихи пишет Бродский.

Ни с кем из поэтов старшего поколения не был он так близок, как с Ахматовой, старшим другом и ментором. Но между его и ахматовской поэзией и поэтикой нет ничего общего. Напротив, черты родства и сходства мы находим с теми, от кого он был отделен или временем – Державин, Баратынский, или географией и культурой – У. Х. Оден, или политикой – Маяковский.

В извечном для русской культуры противостоянии Москвы и Петербурга он считал себя

4 Попытки научного описания феномена гениальности неоднократно имели место в психиатрии, психологии и генетике в течение последних двух столетий. Гениальность связывалась то с психической аномалией (Ломброзо, Нордау), то с физическими характеристиками (Кречмер), то с удачной комбинацией генов (Кольцов) и проч. (см. *Kretschmer E. The psychology of men of genius. N.Y.: Harcourt, 1931; Genius: The History of an Idea, ed. Penelope Murray. N.Y.: Blackwell, 1989; Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Выща школа, 1989; в русской научной мысли – Sirotkina I. Diagnosing Literary Genius: A Cultural History of Psychiatry in Russia, 1880–1930. Baltimore – London: Johns Hopkins University Press, 2002).*

5 *Цветаева М. И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991. С. 85–86.*

6 Там же. С. 74.

и был – по воспитанию, характеру и вкусам – типичным петербуржцем. «Тем не менее, – писал Сергей Аверинцев, – слишком очевидно, что силовой напор его стиха, взрывчатость его рифм, наступательность его анжамбеманов (*enjambements*), вообще весь тонус его поэзии имеют несравненно больше общего с москвичкой Цветаевой, чем с какими-либо петербургскими образцами (включая даже Мандельштама)». Правда, Аверинцев добавляет: «Но питерская черта – железная последовательность, с которой Бродский воспринимал любую парадигму, хотя бы и совсем не питерскую»⁷.

В то время, когда откровенно поставленные метафизические темы казались окончательно устарелыми, Бродский только ими и занимался. Рассуждая о поэзии, он настаивал на недоговоренности, нейтральности тона, особенно ценил сдержанность в выражении чувств. Все это опровергалось его собственными стихами. В то время, когда русский стих тяготел к малой форме, к поэтике намека и недосказанности, его стихотворения длинные, порой длиннее поэм у иных авторов. Иногда кажется, что он не в силах остановиться, пока не выговорит до конца названия всех вещей, попавших в поле поэтического зрения и слуха. Перечни вещей, явлений живого мира, словечек и фразочек уличной речи кажутся исчерпывающими уже в ранней «Большой элегии Джону Донну», и, спустя десятилетие, в «Осеннем крике ястреба», в «Зимней» и «Летней» элегиях, и в «Представлении», написанном еще через двенадцать лет. У нас нет конкордансов к сочинениям всех крупных русских поэтов, но можно предположить, что Бродский здесь словесный чемпион. Неполный словарь его поэзии состоит из 19 650 отдельных слов. Для сравнения – в словаре Ахматовой чуть более 7 тысяч слов⁸. Такое богатство словаря говорит о жадном интересе к вещному миру. Только в первой части «Эклоги летней» (У) 23 ботанических наименования там, где иной поэт сказал бы: трава. Оно говорит также о любви, вернее, страсти к родному языку. «Припадаю к народу, припадаю к великой реке. / Пью великую речь...» – писал молодой Бродский в архангельской деревне («Народ», *СНВВС*). Речь он черпал из любых источников, «потому что искусство поэзии требует слов» («Конец прекрасной эпохи», *КПЭ*), — из советской газеты, из блатной и лабухской фени, из старинных книг и научного дискурса. Чего в его словаре почти совсем нет, это словотворчества, неологизмов. Нет зауми, за исключением нескольких пародийных моментов.

Его строфический, то есть по существу ритмико-синтаксический, репертуар является богатейшим в русской поэзии⁹, но все это богатство – вариации на основе метрики и строфики поэзии классики и модернизма. Авангардных экспериментов в этой области у него нет. Верлибры весьма редки. Связь с традицией подчеркивается еще и поистине бесконечным числом открытых и скрытых цитат, намеков на другие тексты, пародий.

Впрочем, не все архаизмы у Бродского цитатны или пародийны. Муза для него – живое понятие. Мне не раз приходилось слышать удивленные или неодобрительные замечания по поводу того, что его поэзия несовременна. В дни суда над Бродским один бесталанный советский поэт, недурной человек, с удивлением сказал мне: «Дали прочитать его стихи, они какие-то... архаичные». Он думал, что Бродского преследуют за авангардизм в духе Андрея Вознесенского или, того пуще, Виктора Сосноры. И, лет пятнадцать спустя, от американского литератора: «Теперь так не пишут». И на мой вопрос: «Как – так!» — «Ну, Муза там, Аполлон...»

⁷ Аверинцев С. С. Опыт петербургской интеллигенции в советские годы – по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6. С. 122–123.

⁸ Patera 2002. Vol. 1. P. 4. Сведения о словаре Ахматовой также предоставлены Татьяной Патера.

⁹ См. Шерр 2002.